

Секция «Журналистика»

"Мой современник" Б.М. Эйхенбаума: русский формализм между наукой и критикой

Львов Василий Сергеевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет

журналистики, Москва, Россия

E-mail: basile.lvoff@gmail.com

Книга Б.М. Эйхенбаума «Мой современник» (1929), написанная на последнем этапе существования русского формализма, помогает понять сложную эволюцию этой литературоведческой школы.

Со второй половины 20-х гг. перед формализмом неизбежно встала проблема т.н. «социального ряда», или влияния социоэкономических факторов на литературу. В начале 20-х формалисты игнорировали проблему «социального ряда», утверждая, что литература не подвергается влиянию со стороны политико-экономических событий в жизни общества, а потому и методы ее изучения не должны сколько-нибудь затрагивать идеологию, экономику и т.д. Ярким примером является книга В.Б. Шкловского «Ход коня». Но к середине 20-х формалисты скорректировали свою позицию: в 1927 году на знаменитом диспуте с марксистскими литературоведами формалисты больше не отрицали значения «социального ряда»; при этом они призывали к тому, чтобы правильно его учитывать и отделять от специфически-литературных феноменов. Встал вопрос о том, как отстаивать автономность литературы и литературоведения, учитывая при этом «социальный ряд».

Попыткой ответить на него явился «Мой современник». Теоретическим ядром этой книги стала работа «Литературный быт». В ней Эйхенбаум пишет, что в результате перемен в социальных условиях меняется не сама литература, но ее социальное бытование – то, как литература воспринимается в данном обществе, то, какова в нем роль писателя и т.д. Это напрямую не влияет на литературу с ее имманентными конструктивными и эволюционными законами, однако воздействует на нее опосредованно – например, через изменение общественного положения писателя, способов издания и т.д. Таким образом, вместо того чтобы допустить влияние «социального ряда» на литературу, Эйхенбаум «олитературивает» ту область в которой соприкасаются словесность и социально-экономическая действительность; тем самым, «социальный ряд» из решающего для развития литературы фактора превращается в один из многих.

В таком решении вопроса сказывается свойственный формализму ««империализм» конструктивного принципа» [Тынянов, с. 267]. Этот термин выдвинул научный товарищ Эйхенбаума Ю.Н. Тынянов, говоря о том, как данный литературный канон, начиная с малого, распространяет свой конструктивный творческий принцип на все больший материал. Можно утверждать, что тот же ««империализм» конструктивного принципа» сказался в научном развитии формального литературоведения, конструктивным принципом которого стало изучение литературы с точки зрения ее специфически-формальных закономерностей. На протяжении всего своего существования формалисты стремились говорить не о литературе в каком-то отдельном, специфическом, ее аспекте, но о *литературе вообще в ее специфике* – очень важное различие.

Эта позиция становится яснее из слов самого Эйхенбаума, который в 1924 году писал: «Методы изучения формы [литературного произведения] могут быть самые разнообразные при едином принципе» [Эйхенбаум б, с. 3]. Иначе говоря, Эйхенбаум ожидал появления новых фактов, которые заставят изменить методы изучения литературы, но отказывался допускать пересмотр теоретического принципа, согласно которому литература – автономная система и должна изучаться как таковая.

Здесь возникает противоречие: с одной стороны, формалисты, согласно Эйхенбауму, готовы менять свои методы по мере тех новых фактов, которые обнаружатся в результате исследования. Примером является эйхенбаумовская теория литературного быта – попытка учесть «социальный ряд», когда возникла такая необходимость. Вместе с тем априорным остается утверждение о независимой от сторонних влияний сущности литературы – своего рода презумпция «литературности» литературы.

Это ставит вопрос о научных предпосылках формализма. В «Моем временнике» Эйхенбаум попытался ответить этот вопрос: следуя научной логике формализма, он выдвинул особую концепцию истории как научного принципа литературоведения.

Говоря об истории литературы, Эйхенбаум подразумевает и процесс ее развития, и научную дисциплину. В обоих случаях историю Эйхенбаум противопоставляет хронологии, или генезису. Различие между ними состоит в том, что хронологией он называет упорядоченную во времени череду разнородных событий, оказавшихся рядом безо всякой на то причины. Так, в «Моем временнике», в главах «Артистизм Тургенева» и «Литературная карьера Л. Толстого», показывается, что Тургенев и Толстой, несмотря на принадлежность к одной эпохе, представляли исторически разнонаправленные традиции. Между тем в главе «Литература и писатель» Эйхенбаум пишет, что Шевырев, Толстой, Шелгунов, Чернышевский и Шкловский, каждый из которых выступал за депрофессионализацию писательского ремесла, образуют не хронологическую, но историческую последовательность. Хронология, таким образом, является случайной, история же развивается в силу тех или иных внутренних закономерностей и не по одному пути, а сразу по многим.

Наименее доказуемым и в то же время наиболее важным в концепции Эйхенбаума является утверждение о том, что распознать историко-литературные закономерности можно лишь с точки зрения сегодняшнего дня. Эйхенбаум утверждает, что именно история диктует, какие вопросы в данный момент актуальны для науки и какие нет – как в случае с «социальным рядом». Эйхенбаум настаивает на том, что такой фактор, как «социальный ряд», равно как и любой другой, не должен учитываться учеными раньше времени – до тех пор, пока личный опыт участия в литературном сегодня не укажет им на него. Это объясняется тем, что не все факторы, как, например, фактор литературного быта, играют одинаково важную роль в каждую данную эпоху.

Понимание поэтики как исторической науки, при том что саму историю Эйхенбаум трактует особым образом, ведет его к тому, чтобы сделать критерием строгой научности не беспристрастность исследователя, но, напротив, его вовлеченность в предмет исследования: «История не принадлежит к числу бескорыстных, чисто теоретических наук», и историк обязан прислушиваться к своей эпохе [Эйхенбаум, с. 87].

Поэтому для Эйхенбаума неразрывно связаны поэтика и литературная критика. Статус критики изначально был очень высок в русском формализме, но можно сказать, что в «Моем временнике» он достиг своего пика, недаром эту свою книгу Эйхенбаум вы-

пустил в форме журнала. Эйхенбаумовская концепция литературной науки проявилась в «Моем современнике» также на структурном уровне. Так, в разделе «Критика» речь идет не о современных формалистах писателях, но о Гоголе, Тургеневе, Некрасове и др. авторах 19 века, опыт которых не хронологически, но исторически оказался, по мнению Эйхенбаума, актуальнее для конца 20-х гг., чем опыт хронологических современников.

Важно отметить, что внимание журнальной форме уделяли также Шкловский и Тынянов, научные соратники Эйхенбаума; при этом они не разделяли воззрений Эйхенбаума конца 20-х гг. Тем не менее целью доклада является продемонстрировать, как концепция литературной науки, выраженная Эйхенбаумом в «Моем современнике» на идейном и структурном уровнях, выросла из тех тенденций, которые были свойственны русскому формализму в целом.

Литература

1. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. Наука, 1977. – С. 267
2. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914 – 1933). М.: Советский писатель, 1990. – С. 148.
3. Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001.
4. Эйхенбаум Б.М. Вокруг вопроса о формалистах // Печать и революция, № 5, 1924.